

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-150-165>

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПЕРЕДАЧИ ПРАВ НА ИНФОРМАЦИОННУЮ ТЕХНОЛОГИЮ

Алексей Анатольевич Максуров

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14

maxurov78@yandex.ru

Аннотация

Актуальность работы вызвана отсутствием в науке определенности относительно существенных вопросов перехода прав на информационные технологии, неполным учетом гражданским законодательством специфики информационных технологий как разновидности единых технологий. Цель работы – предложить пути разрешения имеющихся противоречий в правовом регулировании передачи прав на технологии в части определения алгоритма передачи прав на технологии. В результате в работе сделан анализ проблемных аспектов предлагаемых в законе способов перехода прав на единые технологии. Рассмотрены особенности передачи прав при их «расщеплении». Необходимое внимание уделено ситуации принадлежности прав на части технологии разным лицам. Подробно описана проблема принятия общего решения правообладателями; предложены пути ее решения. Автором сконструированы возможные эффективные алгоритмы передачи прав на части технологии. Впервые исследованы проблемные вопросы законодательной регламентации передачи прав на технологию, совместно принадлежащих субъектам частного и публичного права.

Ключевые слова: информационные технологии; информационное правоотношение; информация; типология; категории; дуализм регулирования.

Для цитирования: Максуров А. А. Некоторые аспекты регламентации передачи прав на информационную технологию // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 150–165. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-150-165>

Research Article

SOME ASPECTS OF REGULATION OF THE TRANSFER OF RIGHTS TO INFORMATION TECHNOLOGY

Alexey A. Maksurov

Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, 14 Sovetskaia St.,
Yaroslavl, 150003, Russia
maxurov78@yandex.ru

Abstract

The relevance of the work is caused by the lack of certainty in science regarding the essential issues of transfer of rights to information technologies, incomplete consideration by civil legislation of the specifics of information technologies as a type of unified technologies. The purpose of the work is to propose ways to resolve existing contradictions in the legal regulation of the transfer of rights to technologies in terms of determining the algorithm for transferring rights to technologies. As a result, the work analyzes the problematic aspects of the methods of transferring rights to unified technologies proposed in the law. The features of the transfer of rights in their "splitting" are considered. The necessary attention is paid to the situation of ownership of rights to parts of the technology by different persons. The problem of making a common decision by copyright holders is described in detail; ways to solve it are proposed. The author has constructed possible effective algorithms for transferring rights to parts of the technology. For the first time, problematic issues of legislative regulation of the transfer of rights to technology jointly owned by subjects of private and public law are studied.

Keywords: information technology; information legal relationship; information; typology; categories; dualism of regulation.

For citation: Maksurov A. A. Some Aspects of Regulation of the Transfer of Rights to Information Technology. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 2, pp. 150–165. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-150-165>

Введение

Передача прав на информационные, как и любые иные, технологии опосредует динамику гражданско-правового оборота и представляет собой важную экономическую предпосылку для научно-технического прогресса, поскольку без легальной возможности их передачи научно-технические разработки были бы значительно менее актуальны.

Именно возможность отчуждения информационных технологий является тем фактором, который способствует развитию экономики в связи с целенаправленным движением капитала в научную сферу. Законодательные и иные ограничения такому движению являются жестким препятствием не просто для экономического роста, но и для элементарного поддержания национальной (отраслевой, местной) экономикой конкурентоспособности.

В современном мире, в том числе в рамках международного права и законодательства Российской Федерации, не существует единого подхода к определению способов перехода прав на единые технологии [1, с. 53], что представляет собой проблему, имеющую как теоретическое, так и сугубо практическое значение, снижающую эффективность правового регулирования гражданского оборота технологий как объекта права [2, с. 110].

Отсутствие в законе доступного описания алгоритма передачи прав на технологии и их части, который бы учитывал интересы, как всех обладателей права на технологии при множественности таких обладателей, так и потребности лиц, приобретающих право на технологию или ее часть, затрудняет согласование интересов участников рынка технологий [3, с. 89] и порождает потенциальные правовые конфликты [4, с. 62].

Материалы и методы. В качестве основного метода выступил системный подход. Также были использованы методы формальной логики, анализа юридической практики и норм права.

1. Обсуждение. Способы перехода прав на единые технологии: общий подход

Передача прав на объекты гражданского права возможна различными способами. Совокупность способов передачи права понимается в юридической доктрине как разновидность договорной юридической тактики, которая применима к тем или иным объектам права или к тем или иным договорным отношениям по передаче права [5, с. 52]. Результатом реализации способа передачи права выступает правовой акт, в котором находит отражение согласованное мнение сторон договора по поводу существенных и иных условий передачи права [6, с. 55]. Между тем не во всех случаях такая договорная юридическая тактика будет правомерной.

Законодателем большинства стран, в том числе и российским, предусмотрено не только право на отчуждение технологий, но и в самом общем виде определены способы такого действий, которые, правда, не перечислены непосредственно в законе и формируются иным путем. При отсутствии указания в национальном законе на приемлемые способы передачи права на технологии, затрудненность «классических» способов передачи права на часть технологии посредством, например, продажи права, стороны применяют те способы передачи, которые выработаны ими в рамках переговорного процесса участников рынка [7, с. 35; 8, с. 31; 9, с. 92]. Например, сторонами может быть применена уступка права требования, а также схема, связанная с учреждением юридического лица, в уставный капитал которого учредителем вносится в качестве вклада право на технологию, с последующей продажей долей (акций) в данном юридическом лице другому участнику,

либо введением нового участника в данное юридическое лицо и выходом из состава участников его прежнего учредителя.

Таким образом, недостатки законодательного урегулирования указанного вопроса, отсутствие четкого и понятного механизма передачи прав на технологию, иногда могут привести стороны к заключению отдельных фиктивных сделок, либо комплекса таких сделок.

Прежде всего отметим, что Гражданский кодекс РФ [10] (далее – ГК РФ) лишь упоминает о способах перехода прав на объекты права, однако какой-либо конкретики в этой связи нормы Кодекса не содержат, оставляя вопрос на откуп специальному законодательству и самим сторонам соответствующих отношений.

Мы полагаем, что из норм гражданского права усматриваются три основания перехода прав на информационные технологии к третьим лицам: на основании сделки, в порядке правопреемства или на ином законном основании, например, в рамках исполнительного производства при оставлении информационной технологии – имущества должника – за собой взыскателем в счет уплаты долга [11, с. 190].

Вопросы правопреемства в целом понятны и очевидны: здесь имеется два основных способа перехода прав. Это переход прав на информационные технологии в порядке наследственного правопреемства и в процессе реорганизации юридического лица. Сюда же следует отнести и наделение права на информационную технологию вновь создаваемого юридического лица его учредителями [12, с. 78].

Понятие иных законных оснований применительно к данному случаю не сформулировано ни в законе, ни судебной практикой и остается неким законодательным «резервом». К числу таких оснований можно отнести, например, переход прав на информационные технологии в силу судебного акта, акта органа власти, на основании положений брачного контракта и т.п.

Основным способом отчуждения информационных технологий следует все же считать сделку, однако какого-либо перечня такого рода сделок закон нам не предлагает. Мы полагаем, что наиболее распространенным способом отчуждения информационных технологий следует считать все же продажу (куплю-продажу) технологии, а остальные способы, вроде дарения, внесения прав на технологии в уставный капитал хозяйственного общества, мены и т.п., – дополнительными (вспомогательными), но не запрещенными.

Очевидно, что в результате сделки по отчуждению прав на информационную технологию, данные права в полном объеме переходят от правообладателя к приобретателю. Договор отчуждения подразумевает обязанность правообладателя по передаче прав на технологию приобретателю в полном объеме, а само право переходит в момент заключения договора.

Данный договор консенсуальный. По нашему мнению, для договора указанного вида требуется соблюдение письменной формы сделки, в противном случае он может быть признан недействительным. Так как сама информационная технология не регистрируется государством как объект, переход прав на нее по общему правилу также не подлежит государственной регистрации.

Между тем возможна передача прав на информационную технологию и без полного перехода прав, в частности, путем предоставления правомочия пользования информационной технологией в рамках лицензионного договора.

Здесь уже стороны должны договориться не только о предмете (пределах использования единой информационной технологии), но и о вознаграждении за использование технологии, а также о способах такого использования, если технология по своей сущности подразумевает различие таких способов, причем, в той ситуации, когда сами те или иные способы использования не определены в договоре, то такое использование можно считать нарушением права на информационную технологию.

При отчуждении информационной технологии, на которую заключен лицензионный договор, права по нему следуют за технологией в силу п. 7 ст. 1235 ГК РФ, т.е. права лицензиата по лицензионному соглашению выступают обременением по аналогии с ограниченными вещными правами относительно права собственности.

На практике не исключается и сублицензионный договор, однако он во всех случаях требует согласия лицензиара, а объем передаваемых по сублицензионному договору правомочий в отношении информационной технологии не может превышать объема правомочий по лицензионному договору, причем срок сублицензионного договора не может превышать срок договора лицензионного. Мы полагаем, что в тех случаях, когда по тем или иным причинам в сублицензионном договоре указан срок, превышающий срок действия лицензионного договора, то это не влечет недействительности самого сублицензионного договора, а указанный в нем срок истекает в момент прекращения срока действия лицензионного договора.

Полагаем, что в целях единообразного понимания указанного вопроса судами об этом мог бы высказаться и Пленум Верховного Суда РФ по результатам анализа дел данной категории.

В литературе подчеркивается, что лицензиат несет ответственность перед лицензиаром за действия сублицензиата [13, с. 20]. Это положение, безусловно, верно и основано на законе, подтверждается контрольно-надзорной практикой [14, с. 65], однако нуждается в некотором уточнении.

В частности, полагаем, что лицензиат может нести ответственность перед лицензиаром за действия сублицензиата лишь в тех пределах, в которых сублицензиату передан соответствующий объем правомочий.

Например, в ситуации, когда по лицензионному договору лицензиату передано X правомочий, а сам лицензиат передал сублицензиату X-2 правомочий и, при этом, сублицензиат начал реализовывать, в числе прочих, и два не переданных ему правомочия, то он вышел за пределы сублицензионного договора и за нарушение прав на результаты интеллектуальной деятельности должен отвечать перед лицензиаром, а не «по цепочке»: сублицензиат отвечает перед лицензиатом, а лицензиат уже перед лицензиаром. Данное правило тем более очевидно в случаях, когда сублицензиат осуществляет правомочия, не только не переданные ему по сублицензионному договору лицензиатом, но и не предоставленные лицензиаром самому лицензиату по первоначальному лицензионному договору.

Аналогично и в ситуации использования сублицензиатом правомочий за пределом срока действия сублицензионного договора.

Мы полагаем также, что, по аналогии договора аренды с правом выкупа, вполне возможна конструкция, допускающая смешение передачи прав на информаци-

онную технологию во временное пользование с последующим отчуждением прав на технологию в целом.

По общему правилу законодатель не вмешивается в вопросы отчуждения прав на информационные технологии, полагая возможным полноценное применение в данном случае принципа свободы договора, диспозитивного правового регулирования, кроме трех особых случаев, которые могут иметь место, как по отдельности, так и в совокупности.

2. Особенности передачи прав при их «расщеплении»

Прежде всего законодатель особым образом регулирует ситуации, когда право на информационную технологию может быть «расщеплено» в виде прав на отдельные части информационной технологии, имеющие самостоятельное значение, а именно когда часть информационной технологии может быть использована независимо от иных частей этой технологии.

В таком случае возможны две ситуации.

Если право на информационную технологию, способное к «расщеплению» на части, принадлежит одному лицу, то данное лицо может сделать отчуждение как каждой отдельной части информационной технологии, так, в одном случае, и информационной технологии целиком различным лицам, по крайней мере запрета на такие действия закон не содержит.

Однако может сложиться следующая ситуация: допустим, информационная технология состоит из трех возможных к самостоятельному отчуждению частей – X, Y, и Z. Правообладатель в результате сделки передает права на часть X лицу А, на часть Y – лицу Б и на часть Z – лицу В. Саму же технологию в целом продает лицу Г. В дальнейшем, лицо А – обладатель права на часть X – приобретает у лиц Б и В права на части Y и Z соответственно, становясь, если это возможно технически, обладателем информационной технологии в целом.

Между тем может иметь место (а зачастую это как раз вполне возможно на практике) ситуация, когда именно использование информационной технологии одним конкретным лицом создает для данного лица экономические выгоды и конкурентные преимущества в силу неизвестности (недоступности) данной информационной технологии для третьих лиц. Мы же видим, как лица А и Г становятся полноправными обладателями единой информационной технологии и их права (при наличии в договорах указания на эксклюзивность продажи технологии) могут быть нарушены (в первую очередь нарушаются права лица Г).

Мы полагаем, что данный вопрос может быть решен (помимо указаний в договорах на осведомленность приобретателя информационной технологии или ее части об отчуждении части технологии или технологии целиком иному лицу) двумя путями.

Так, можно указать в законе, что правообладатель, в случае отчуждения единой информационной технологии одному лицу, не должен допустить при последующем отчуждении технологии по частям отчуждения «последней» самостоятельной части, необходимой для образования у третьих, помимо приобретателя единой информационной технологии, лиц совокупности прав на все самостоятельные части информационной технологии.

Вторым путем может быть указание в законе на обязательность обременения «последней» самостоятельной части, необходимой для образования у третьих, помимо приобретателя единой информационной технологии, лиц совокупности прав на все самостоятельные части технологии запретом на дальнейшее отчуждение и использование данной части в составе единой информационной технологии.

Второй путь представляется нам более предпочтительным, в том числе, в отношении любых видов единых технологий, а не только лишь технологии информационной.

В соответствии с изложенным предлагаем дополнить ГК РФ положениями следующего содержания:

«В случае передачи различным лицам права на часть технологии, имеющую самостоятельное значение, с одновременной передачей права на технологию в целом, лицо, обладающее правом на технологию (правообладатель) не вправе передавать последнюю самостоятельную часть, необходимую для использования технологии в целом, без обременения передачи этой части запретом на дальнейшее отчуждение и использование данной части в составе единой технологии.

В случае нарушения обязанности, предусмотренной частью третьей настоящей статьи, такого рода сделка может быть признана судом недействительной по иску заинтересованного лица».

Эти положения могут быть отражены в нормах вновь формируемой гл. 77 Кодекса, которая в настоящее время в прежней редакции утратила силу.

3. Ситуация принадлежности прав на части технологии разным лицам

Права на информационную технологию, позволяющую самостоятельно использовать ее части как результаты интеллектуальной деятельности, могут принадлежать и нескольким лицам.

По общему правилу распоряжение правом на технологию, принадлежащим совместно нескольким лицам, осуществляется ими по общему согласию.

Вместе с тем в законе не указано, каким образом должны действовать правообладатели одной технологии и, одновременно, ее различных самостоятельных частей, при отсутствии такого согласия.

В действовавшем ранее абз. 1 п. 5 ст. 1549 ГК РФ определено, что правообладатели в таких ситуациях прямо решают собственным соглашением кому из них и какая именно самостоятельная часть технологии принадлежит, поскольку предполагается возможность самостоятельного использования данной части технологии одним из правообладателей (абз. 2 п. 5 ст. 1549 ГК РФ) и получение им доходов от пользования данной самостоятельной частью (абз. 3 п. 5 ст. 1549 ГК РФ). Сейчас эти нормы не действуют.

Тем не менее порядок действий правообладателей при отсутствии такого согласия (не достижении согласия) вновь никак не определен.

Мы полагаем, что в таких случаях можно действовать по аналогии с авторским правом соавторов на одно общее произведение: правообладатели должны установить свое право на конкретную самостоятельную часть информационной технологии в судебном порядке, предложения по законодательной регламентации которого выскажем чуть позже.

Здесь же рассмотрим вторую возможную ситуацию, когда право на информационную технологию не может быть «расщеплено» в виде прав на отдельные части технологии, имеющие самостоятельное значение.

В указанных случаях какие-либо действия, связанные с распоряжением единой информационной технологией, получением от нее дохода возможны только по достижении правообладателями единого мнения по указанному вопросу.

Так, по принципиальному правилу общего согласия требует распоряжение правом на технологию, доходы от распоряжения правом на технологию также распределяются по соглашению сторон, а право на технологию в целом, а также распоряжение правом на нее осуществляется совместно всеми правообладателями.

Между тем механизмы решения вопроса при отсутствии общего согласия по данным вопросам законом не предложены.

На практике нередки случаи, когда от лица правообладателей в отношениях с третьими лицами выступает какой-либо конкретный правообладатель, в связи с чем с его стороны потенциально возможно злоупотребление правом или прямое нарушение прав и охраняемых законом интересов иных обладателей прав на данную информационную технологию.

Законодателем в качестве меры защиты предусмотрена недействительность сделки по распоряжению технологией одним из правообладателей технологией вопреки интересам иных ее владельцев.

Очевидно, что здесь мы имеем дело с презумпцией, связанной с действительностью сделок [15, с. 20]. Эта презумпция, наряду со специальными нормами об интеллектуальных правах, заложена и в первой части ГК РФ [16, с. 48]. Поэтому презумпции такого рода будут проявлять свое действие всякий раз, когда обнаружится неопределенность в наличии того или иного условия действительности сделки, прежде всего в части способности лиц к совершению тех или иных сделок (в случаях возникновения сомнений в вопросах обладания интеллектуальными правами либо наличия необходимых согласований), а также в связи с оценкой соотношения между волей и волеизъявлением участников сделки (в части объема передаваемых интеллектуальных прав) [17, с. 22], что также отличает презумпцию от фикции [18, с. 9].

Тем не менее исследуемая норма сформулирована явно некорректно.

Во-первых, непонятно о какой именно недействительной сделке, оспоримой или ничтожной, законодатель ведет речь. Из толкования закона, однако, усматривается, что, скорее, речь идет о признании такой сделки недействительной ввиду ее оспоримости, нежели о применении последствий недействительности ничтожной сделки. Мы полагаем, что это связано не только с указанным в законе механизмом судебной защиты права, но и с тем, что лицо, совершившее сделку, не является для объекта права лицом сторонним, у него также есть права на конкретную технологию, просто они осуществлены им вопреки правам и интересам иных лиц.

Во-вторых, в законе не определены основания оспоримости сделки. Мы считаем, что в данном случае применима ст. 173.1 ГК РФ «Недействительность сделки, совершенной без необходимого в силу закона согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления».

В-третьих, положения ГК РФ сформулированы нечетко в части определения управомоченного на обращение в суд лица: указано, что сделка может быть признана недействительной по требованию остальных правообладателей, что, в силу буквального толкования, подразумевает обращение в суд всех остальных правообладателей (коллективный иск). Это, разумеется, не так: для инициации судебного иска вполне достаточно нарушения интересов хотя бы одного из правообладателей, что и должно быть во избежание возможного иного толкования, прямо отражено в законе.

В-четвертых, правильнее все же вести речь не об отсутствии у лица, совершившего сделку, необходимых полномочий как основания для недействительности сделки, а об отсутствии согласия иных правообладателей на заключение сделки с конкретным лицом и на конкретных условиях.

В-пятых, ущербной, по нашему мнению, является и формулировка данной нормы в части указания на то, что такая сделка может быть признана недействительной лишь в случае, если будет доказано, что другая сторона сделки знала или заведомо должна была знать об отсутствии этих полномочий. Такая «суровая» формулировка представляется нам излишней.

В частности, на практике будет непросто определить заведомость такого рода знания, поскольку в законе не предусмотрено создание действенного механизма государственной регистрации прав на единые технологии во всех случаях их создания и во всех их видах, нет указания на то, каким образом контрагент правообладателей – владельцев единой технологии может узнать об их числе и отсутствии между ними согласия и т.п.

Также мы полагаем данную норму недостаточно полноценным регулятором еще вот по какой причине: по нашему мнению, существенно нарушить интересы лиц, совместно «владеющих» технологией возможно не только при противоправном распоряжении ею, но и при противоправном ее использовании одним из правообладателей вопреки интересам иных обладателей права.

Например, лицензионный договор может быть заключен на заведомо невыгодных для правообладателей условиях, лицензиату может быть передан излишний объем прав, допущена ненужная «свобода действий» лицензиата при заключении сублицензионного договора, лицензионный договор заключен на срок, в течение которого, как заведомо предполагается, оригинальность и новизна технологии померкнут, она изживет себя и ее использование уже не будет приносить прежних выгод и преимущество, т.е. можно говорить об ее содержательном исчерпании в пределах лицензионного срока, тогда как для правообладателей было бы интереснее продать права на технологию, а не получать незначительный доход по кабальному лицензионному договору и т.п.

При этом интересы правообладателей могут быть нарушены не только при передаче прав на технологию в целом или распоряжение ею, но и на передачу (распоряжение) прав на ее несамостоятельную часть.

Соответственно, названная норма в указанной части также нуждается в уточнении.

Таким образом, предлагаем дополнить положения ГК РФ указанием на правило следующего содержания:

«Сделка по распоряжению правом на технологию (ее несамостоятельную часть) или иной передаче прав на технологию (ее несамостоятельную часть), совершенная одним из лиц, которым совместно принадлежит право на технологию, может быть признана судом недействительной (оспоримой) по основаниям, предусмотренным статьей 173.1 настоящего Кодекса, по требованию любого из правообладателя вследствие отсутствия согласия (решения) правообладателей на совершение сделки на данных условиях, если будет доказано, что другая сторона сделки очевидно знала об отсутствии такого согласия (решения)».

4. Проблема принятия общего решения правообладателями

Ранее автором уже указывалось на существенный недостаток закона: отсутствие алгоритма принятия правообладателями общего решения при отсутствии единства мнений по тому или иному вопросу [19, с. 32].

По всей видимости, оставление такого вопроса на откуп правообладателям при существующем уровне правовой культуры типичных субъектов частного права, с учетом самой сложности объекта правового интереса в данном случае не всегда возможно. Должен быть допущен минимум государственного вмешательства, который тем не менее не нарушал бы общих начал диспозитивности гражданско-правовых отношений.

В соответствии с изложенным предлагаем дополнить положения ГК РФ указанием на правило следующего содержания в виде отдельной статьи:

«Судом по заявлению любого из обладателей правом на отдельные части единой технологии, исходя из творческого вклада указанных лиц в создание единой технологии и учитывая иные заслуживающие внимания обстоятельства (финансирование создания единой технологии, организацию работ по созданию единой технологии и т.п.), могут быть установлены:

- наличие у обладателей прав на технологию в целом, особых прав на конкретные самостоятельные части технологии;
- значение (в процентном или долевым соотношении) вклада каждого обладателя права в создание единой технологии как основания для последующего решения общих вопросов использования и распоряжения технологией или ее общей неделимой частью путем голосования по спорным вопросам, осуществляемым исходя из имеющегося объема прав у конкретного лица;
- иные обстоятельства использования правообладателями единой технологии и распоряжения ею (ее частью).

При отсутствии согласия правообладателей данные вопросы решаются ими в порядке голосования пропорционально установленным судом количеством голосов в процентном или долевым отношении».

Иными словами, суд, например, может установить наличие у лица А права на самостоятельную долю в единой информационной технологии в виде части X, у лица Б – в виде части Y, у лица В – в виде части Z и у лица Г – отсутствие пригодного для самостоятельного использования результата интеллектуальной деятельности – части единой информационной технологии. Одновременно суд может указать, что при решении общих вопросов и не достижении по ним единства мнений у право-

обладателей единой информационной технологии, данный вопрос, исходя из указанных выше обстоятельств (оценки вклада в создание единой информационной технологии и проч.) должен быть решен в порядке голосования, в условиях которого А имеет 34% голосов, Б – 12% голосов, В – 32% и Г – 22 % голосов.

5. Передача прав на технологию, совместно принадлежащих субъектам частного и публичного права

В качестве особой ситуации вмешательства законодателя в правомочия обладателей прав на технологию и ее части следует указать вариант, когда информационная технология создана с привлечением бюджетных средств: право на такую технологию может принадлежать одновременно Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, другим инвесторам проекта, в результате осуществления которого создана технология, исполнителю и иным правообладателям.

Гражданский кодекс РФ в указанной части не определил критерии определения того обстоятельства, что технология создана на бюджетные средства, не указал, в каком объеме в общих затратах на создание технологии были использованы бюджетные средства (например, «преимущественно с помощью бюджетных средств»), не отметил публичную значимость данной технологии и т.п. В указанной связи в качестве правообладателей названы Российская Федерация и субъект Российской Федерации, но такого рода регулирование не распространено на участие в проектах по созданию технологии муниципальными образованияами за счет средств местных бюджетов. Законодатель не указал также причины, по которым его участие в создании технологии ограничено именно направлением бюджетных средств, а не использованием государственного или муниципального имущества, переданного разработчикам технологии и «потребленного» при ее разработке (например, предоставление на льготных началах или бесплатно недвижимого имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в целях практической организации работ по созданию технологии, информационных ресурсов, государственных средств коммуникации и т.п.).

Видимо, предполагалось, что данные вопросы будут решены специальным законодательством.

В качестве такого акта следует указать прежде всего Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 284-ФЗ «О передаче прав на единые технологии» [20], согласно ст. 1 которого данный Закон регулирует отношения по распоряжению правами на единые технологии гражданского, военного, специального или двойного назначения, которые принадлежат Российской Федерации или субъекту Российской Федерации либо совместно Российской Федерации или субъекту Российской Федерации и иным лицам, путем их передачи на основе проведения конкурсов или аукционов, а также порядок передачи прав на единые технологии без проведения конкурсов или аукционов.

Если в качестве правообладателей выступают Российская Федерация или субъект Российской Федерации, передача права на технологию является их обязанностью. Причем в нормативном порядке установлен срок ее исполнения. Право на технологию должно быть передано в течение шести месяцев с момента приобретения

Российской Федерацией или субъектом Российской Федерации прав на результаты интеллектуальной деятельности, входящие в состав технологии. Именно с этого момента у государства и возникает право на технологию. В свою очередь право на технологию, связанную с обеспечением обороны и безопасности Российской Федерации, должно быть отчуждено незамедлительно после того, как правообладатель утратит необходимость сохранения права за собой [21, с. 118].

Распоряжение правом на технологию осуществляется в особом порядке путем проведения торгов. Приоритетной формой признается конкурс, поскольку позволяет заключить договор с лицом, предложившим правообладателю наилучшие условия. И лишь в случае невозможности отчуждения права на конкурсной основе (например, в связи с признанием конкурса несостоявшимся) оно может быть передано по результатам проведения аукциона. В этом случае право на технологию передается лицу, предложившему правообладателю наибольшее вознаграждение. Порядок проведения торгов, а также возможные случаи передачи права на технологию без проведения конкурса или аукциона определяются законом о передаче технологий.

По общему правилу право на технологию передается на возмездной основе. В то же время законодатель допускает возможность его безвозмездного предоставления в ряде случаев, перечень которых определяется Правительством РФ. Внедрение некоторых технологий имеет важное социально-экономическое значение либо необходимо для обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации. Однако оно может оказаться слишком затратным, в связи с чем расходы на приобретение права на технологию, а также на ее внедрение могут превысить ожидаемую от ее использования прибыль. В этих случаях Российская Федерация или субъект Российской Федерации могут передать право на единую технологию безвозмездно.

Право на технологию должно быть передано лицу, заинтересованному во внедрении технологии и обладающему для этого реальными возможностями. Данное требование, предъявляемое к приобретателю права на технологию, предусмотрено законодателем для того, чтобы единая технология нашла практическое применение. При этом лицо, организовавшее создание единой технологии, пользуется преимущественным правом ее приобретения перед третьими лицами.

В целях развития наукоемких технологий государство вкладывает свои средства в их разработку, в связи с чем оно заинтересовано во внедрении технологий преимущественно на территории Российской Федерации.

Правообладатель может передать право для использования единой технологии на территории иностранных государств только с согласия государственного заказчика или распорядителя бюджетных средств. Передача права в данном случае должна соответствовать требованиям законодательства о внешнеэкономической деятельности, в частности федеральным законам от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» [22], от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» [23], от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» [24] и т.п.

Сделки, предусматривающие использование единой информационной технологии за рубежом, подлежат государственной регистрации в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности. Причем несоблюдение требования о государственной регистрации влечет недействительность сделки.

Полагаем, что такого рода подход не противоречит каким-либо принципам и нормам международного права, делегирующего решение данных вопросов национальным законодателям.

Заключение

Таким образом, в работе сделан анализ предусмотренных законом способов передачи прав на информационные технологии. Изучена процедура передачи прав. Сделана оценка на предмет соответствия положений российского законодательства логике его применения в реальной экономике.

В ходе исследования установлены отдельные недостатки законодательной регламентации передачи прав на информационные технологии (и единые технологии в целом) в России, в связи с чем сделаны предложения по уточнению, изменению и дополнению норм гражданского законодательства Российской Федерации.

В результате следует законодательно уточнить особенности передачи прав при их «расщеплении» между отдельными лицами, когда каждая часть единой технологии может использоваться самостоятельно.

В целом, предложены пути действия в ситуации принадлежности прав на части технологии разным лицам, в том числе, в части проблемы принятия общего решения правообладателями. По мнению автора, здесь возможно допустить отдельные элементы государственного вмешательства в частноправовые отношения, что не нарушит общего принципа их диспозитивности.

Отдельно дана оценка правовому регулированию вопросов передачи прав на технологию, совместно принадлежащих субъектам частного и публичного права. Предложенный законодателем и реализуемый на практике подход в этой сфере представляется разумным и обоснованным.

Пристатейный библиографический список

1. *Максуров А. А.* Актуальные проблемы реализации субъективных гражданских прав в сети Интернет : монография. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2023.
2. *Таланова М. В.* Эффективность норм частного права // Частноправовые отношения в условиях глобализации. Ч. 1. Saarbrüchen: Lambert academic publishing, 2012.
3. *Макаров И. И.* Координация в праве. Ярославль : ЯФ МФЮА, 2012.
4. *Фролов С. Е.* Принципы координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции : сборник научных трудов. Владимир, 2002.
5. *Карташов В. Н.* К вопросу о понятии координационной юридической тактики // Развитие молодежной юридической науки в современном мире : сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической интернет-конференции 15 мая 2011 года. Тамбов, 2011.

6. *Кивленок Т. В.* Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции : сборник научных трудов. Вып. 3. Владимир : ВГПУ, 2002.
7. *Таланова М. В.* К вопросу о классификации функций медиативной юридической практики // Современное право. 2012. № 10.
8. *Таланова М. В.* Медиация в праве: юридическая технология медиативных процедур. М. : ЭкОонис, 2013.
9. *Чернецов В. Ю.* Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации : доклады и сообщения VII международной научной конференции, Москва, 17 апреля 2007 г. М. : РГГУ, 2007.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
11. Гражданское исполнительное право : учебник / под ред. А. А. Власова. М. : Экзамен, 2004.
12. *Максуров А. А.* Регистрация и ликвидация юридических лиц : монография. М. : Русайнс, 2023.
13. *Мозолин В. П., Белова Д. А.* Право использования результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии // Право и экономика. 2008. № 9.
14. *Постнов А. С.* Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики // Российское право в период социальных реформ : материалы конференции студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых-юристов (г. Нижний Новгород, 26–27 ноября 2004 г.). Вып. 6. Ч. 1. Нижний Новгород, 2005.
15. *Булаевский Б. А.* Классификация правовых презумпций // Журнал российского права. 2010. № 11.
16. *Булаевский Б. А.* Применение презумпций в регулировании отношений по поводу результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации // Журнал российского права. 2012. № 5.
17. *Булаевский Б. А.* Функции правовых презумпций // Журнал российского права. 2011. № 3.
18. *Зацепина О. Е.* Правовые презумпции и правовые фикции: соотношение и развитие: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2022.
19. *Максуров А. А.* Особенности правоотношений в сфере информационных технологий // Вестник Юридического института МИИТ. 2024. № 1 (45).
20. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 284-ФЗ «О передаче прав на единые технологии» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6239.
21. *Городов О. А.* Правовая охрана и использование единых технологий, созданных за счет или с привлечением бюджетных средств. М. : Волтерс Клувер, 2019.
22. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4850.
23. Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» // СЗ РФ. 1998. № 30. Ст. 3610.

24. Федеральный закон от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» // СЗ РФ. 1999. № 30. Ст. 3774.

References

1. *Maksurov A. A.* Actual Problems of Realization of Subjective Civil Rights on the Internet: Monograph. Moscow: Publishing and Trading Corporation "Dashkov and Co", 2023. (In Russ.)
2. *Talanova M. V.* Effectiveness of Private Law Norms. In Private Law Relations in the Context of Globalization. Part 1. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. (In Russ.)
3. *Makarov I. I.* Coordination in Law. Yaroslavl: Yaroslavl Branch of the Moscow Financial Law University, 2012. (In Russ.)
4. *Frolov S. E.* Principles of Coordination Activities. In Actual Problems of Jurisprudence: Collection of Scientific Papers. Vladimir, 2002. (In Russ.)
5. *Kartashov V. N.* On the Concept of Coordination Legal Tactics. In Development of Youth Legal Science in the Modern World: Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the VIII International Scientific and Practical Internet Conference on May 15, 2011. Tambov, 2011. (In Russ.)
6. *Kivlenok T. V.* Legal Act as an External Form of Coordination Activity. In Actual Problems of Jurisprudence: Collection of Scientific Papers. Issue 3. Vladimir: VSPU, 2002. (In Russ.)
7. *Talanova M. V.* On the Classification of Functions of Mediation Legal Practice. *Modern Law*, 2012, no. 10. (In Russ.)
8. *Talanova M. V.* Mediation in Law: Legal Technology of Mediation Procedures. Moscow: Ekoonis, 2013. (In Russ.)
9. *Chernetsov V. Iu.* Psychological Approach to the Study of Problems of Coordination Legal Practice. In Legislation and Law Enforcement in the Russian Federation: Reports and Communications of the VII International Scientific Conference, Moscow, April 17, 2007. Moscow: RSUH, 2007. (In Russ.)
10. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996 No. 14-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1994, no. 32, art. 3301. (In Russ.)
11. *Vlasov A. A. (ed.).* Civil Executive Law: Textbook. Moscow: Exam, 2004. (In Russ.)
12. *Maksurov A. A.* Registration and Liquidation of Legal Entities: Monograph. Moscow: Rusains, 2023. (In Russ.)
13. *Mozolin V. P., Belova D. A.* Right to Use the Results of Intellectual Activity as Part of a Single Technology. *Law and Economics*, 2008, no. 9. (In Russ.)
14. *Postnov A. S.* Control and Supervision as Factors in Increasing the Efficiency of Coordination Practice. In Russian Law in the Period of Social Reforms: Materials of the Conference of Students, Graduate Students, Applicants and Young Legal Scholars (Nizhny Novgorod, November 26–27, 2004). Issue 6. Part 1. Nizhny Novgorod, 2005. (In Russ.)
15. *Bulaevskii B. A.* Classification of Legal Presumptions. *Journal of Russian Law*, 2010, no. 11. (In Russ.)

16. *Bulaevskii B. A.* Application of Presumptions in Regulating Relations Regarding the Results of Intellectual Activity and Means of Individualization. *Journal of Russian Law*, 2012, no. 5. (In Russ.)
17. *Bulaevskii B. A.* Functions of Legal Presumptions. *Journal of Russian Law*, 2011, no. 3. (In Russ.)
18. *Zatsepina O. E.* Legal Presumptions and Legal Fictions: Correlation and Development: Thesis for a Candidate Degree in Historical Sciences. Belgorod, 2022. (In Russ.)
19. *Maksurov A. A.* Features of Legal Relations in the Field of Information Technology. *Bulletin of the Law Institute of MIIT*, 2024, no. 1 (45). (In Russ.)
20. Federal Law of December 25, 2008 No. 284-FZ "On the Transfer of Rights to Unified Technologies". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2008, no. 52 (part I), art. 6239. (In Russ.)
21. *Gorodov O. A.* Legal Protection and Use of Unified Technologies Created at the Expense of or With the Involvement of Budgetary Funds. Moscow: Wolters Kluwer, 2019. (In Russ.)
22. Federal Law of December 8, 2003 No. 164-FZ "On the Fundamentals of State Regulation of Foreign Trade Activity". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2003, no. 50, art. 4850. (In Russ.)
23. Federal Law of July 19, 1998 No. 114-FZ "On Military-Technical Cooperation of the Russian Federation with Foreign States". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1998, no. 30, art. 3610. (In Russ.)
24. Federal Law of July 18, 1999 No. 183-FZ "On Export Control". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1999, no. 30, art. 3774. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. А. Максуров – кандидат юридических наук.

Information about the author:

A. A. Maksurov – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 16.12.2024; одобрена после рецензирования 10.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 16.12.2024; approved after reviewing 10.03.2025; accepted for publication 19.03.2025.